

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕОСОЦИОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Одна из основных философско-исторических проблем сводится к дилемме единства или множественности мировых культур: возможно ли планетарное единство человечества и его культуры, или множественность культурных миров вовсе не стремится к единству? Имеются два радикальных ответа: 1) космополитическо-глобалистский; 2) культурно-цивилизационный.

Согласно первому, основывающемуся на идеологии либерализма, существует единый путь глобальной человеческой цивилизации. При этом природные, социальные и национальные особенности несущественны. Все человечество, так или иначе, «обречено» развиваться в направлении свободного рынка, демократии, роста свободы и индивидуализма, ограничения роли национальных государств, доминирования международного права над национальным, защиты прав человека и т.п. За данной методологической установкой легко видеть идеологические ценности атлантического либерализма.

Глобализм либерального толка исходит из идеи универсальности всемирной истории. В многообразии социокультурного мира можно проследить единую линию развития человечества, ведущую к созданию единой общечеловеческой цивилизации (Вольтер, Монтескье, Гердер, Кант, Гегель, В. Соловьёв, Ясперс и др.). К. Ясперс утверждает по этому поводу: «Единство вырастает из смысла, к которому движется история, смысла, который придаёт значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным»¹.

Второй подход апеллирует к доктрине локально-исторических цивилизаций, у истоков которой стояли, среди прочих, многие выдающиеся отечественные мыслители: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А.С. Хомяков. Конечно, их идеи в той или иной степени также обязаны своим происхождением напряжённому диалогу с воззрениями Ш. Монтескье, И. Гердера, Г. Гегеля, И. Шеллинга и др. западноевропейских философов. В то же время они настолько оригинальны и методологически плодотворны, что уже в XX веке были отчасти «присвоены» (вольно или невольно) О. Шпенглером и А.Дж. Тойнби.

Согласно теории локально-исторических цивилизаций не существует единой истории человечества. Некая универсальная история представляет собой пример современного научно-гуманитарного и идеологического мифотворчества. Реально же процесс человеческой истории осуществляется в сосуществовании и периодической смене локальных культур и цивилизаций, каждая из которых жила и живёт своей собственной, самодостаточной, обособленной жизнью. Схема планетарной истории, таким образом, не представляет собой одно-

направленного линейного процесса. Линии цивилизаций сходятся, расходятся, переплетаются, но никогда не сливаются в неразделимое универсальное целое. Исторический процесс, иначе говоря, многовекторен, ризомен, мозаичен, мультикультурен. Один из «столпов» философии истории, А. Тойнби, писал: «Этот тезис о «единстве цивилизации» является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды». Более того, по его мнению, «тезис об унификации мира приводит к грубейшему искажению фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»².

Причинные объяснения имманентной культурно-цивилизационной гетерогенности человечества сторонники второго подхода находят разные. Однако наиболее распространенным является объяснение, связывающее фактическое разнообразие и многомерность человеческих цивилизаций с особенностями природных условий их зарождения и существования.

Действительно, человечество, несмотря на всю свою сегодняшнюю технологическую мощь, является составной частью природы. Человек и общество неразрывно связаны с природной средой обитания. Они не в состоянии существовать и развиваться вне природы и, в первую очередь, без непосредственно окружающей географической среды. Вне природы, использования её многообразных материалов, человек существовать не может. От особенностей географической среды, рельефа, сырьевых богатств зависят конкретные направления человеческой деятельности, в частности, развитие тех или иных направлений производства в различных странах и континентах.

Влияние природы в виде конкретной географической среды на историческое развитие того или иного народа весьма различно. Оно проявлялось, например, как наличие или отсутствие благоприятных климатических условий для производства сельскохозяйственных продуктов, а так же и в других отношениях. Данное различие было особенно чувствительным для человека на ранних ступенях развития общества, когда преобразование предметов природы составляло лишь незначительный процент, по сравнению с их использованием в готовом виде. Неблагоприятные природные условия существенно тормозили общественное развитие. Не случайно, поэтому человеческие сообщества возникали первоначально именно в районах с благоприятными климатическими условиями. Благоприятный климат требовал меньших затрат труда на изготовление жилищ и одежды, на производство продуктов питания. Однако отменные природные возможности южных регионов обеспечивали эти преимущества главным образом на ранних ступенях развития человеческой цивилизации. В дальнейшем же положительная роль благоприятного климата парадоксальным образом превратилось в отрицательную, ибо во многом отсутствовал стимул производства. Если бы человек находил все необходимые ему средства к существованию в природе в готовом виде, то не было бы стимулов для совер-

шенствования производства, а следовательно, и для своего собственного развития. Таким образом, не только наличие совершенных природно-климатических условий для производства, но и, наоборот, их недостатки также оказывали ускоряющее влияние на развитие общества.

Степень воздействия природы и зависимость человека от неё столь велики, что осознание этого послужило основой для появления целого направления в науке – географического детерминизма (от лат. *determine* – определяю) или геосоциологии, как иначе его ещё именуют. Многие мыслители прошлого обращали своё внимание на проблему детерминирующих факторов в развитии общества. При всём их многообразии, а это и материальные и духовные факторы, фактор географический заслуживает необходимо пристального внимания, т.к. является равнозначным в ряду с другими, и ни менее предпочтительным элементом. Хорошо известно, что первыми пытались объяснить явления общественной жизни особенностями географической среды древнегреческие философы Платон, Аристотель, историки Геродот и Фукидид. Позднее, концепцию зависимости становления и развития общества от природно-климатических условий развивали французский просветитель Ш.Л. Монтескье, немецкий историк И.Г. Гердер, английский историк и социолог Г.Т. Бокль, французский географ Э. Реклю и многие другие европейские учёные.

В отечественной философско-социологической мысли также делались попытки обосновать своеобразие социокультурного развития обществ и цивилизаций внешними естественными условиями жизни: климатом, составом почв, системой рек, географическим положением страны. В контексте геосоциологии сложились концепции известных русских учёных-обществоведов XIX-XX веков: М.Н. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, Л.И. Мечникова, Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева, создавших основы и развивавших идеи русской географической школы. Обращение к географическому фактору было следствием усиливающегося влияния идей и методов естествознания на общественную мысль, а также связано со стремлением объяснить историю развития человечества с помощью естественных сил, дать оценку социального прогресса на основе естественнонаучного критерия. Географическое направление в России не было однозначным, имело ряд своих особенностей и характеризовалось многими содержательно и методологически плодотворными идеями.

С.М. Соловьёв в своей «Истории России с древнейших времён» обосновывает особенности детерминации процессов общественной жизни и хозяйствования следующим образом: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Чёрного и от Балтийского моря до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чём резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведёт народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах,

верованиях; одинаковость нравов, обычаев, верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению. И равнина, как бы не была обширна, каким бы не было разнотемным её население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними»³.

Связь между древнерусским этносом и географической средой здесь была наглядной. Этим самым, философско-методологической основой исторических взглядов С. М. Соловьёва, благодаря которой обнаруживается объективная связь между естественными условиями географической среды и характером экономических занятий восточных славян, оказывается принцип географического детерминизма. Он позволяет связать в единое целое географическую среду «обитания» восточных славян с особенностями не только их материально-хозяйственной, а и духовной жизни. Роскошная природа, с лихвой вознаграждающая труд человека, усыпляет его деятельность, как умственную, так и телесную. «Природа более скупая на общественные дары, требующая постоянно и нелёгкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно он работает умом, неустанно стремится к своей цели»⁴.

В поисках теории взаимосвязи природы и общества и её философско-социологического обоснования положительные результаты дают исследования другого представителя географического направления, известного историка В. О. Ключевского. В определенном отношении он повторяет С. М. Соловьёва. Однако особый интерес здесь представляет сравнительная характеристика в ещё более объемной и яркой форме Европы и Азии с точки зрения потенциальных возможностей человеческой деятельности. В своей знаменитой работе «Курс Русской истории» В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, разнообразие форм поверхности, и, во-вторых, чрезвычайно извилистое очертание морских берегов. Известно, какое сильное и разностороннее действие на жизнь страны и ее обитателей оказывают обе эти особенности. Европе принадлежит первенство в силе, с какой действуют в ней эти условия. Нигде горные хребты и равнины не сменяют друг друга так часто, как на таких сравнительно малых пространствах как в Европе, с другой стороны – глубокие заливы, далеко выдавшиеся полуострова, мысы образуют как бы береговое кружево западной и южной Европы. Здесь на 30 квадратных миль материкового пространства приходится одна миля морского берега, тогда как в Азии одна миля морского берега приходится на 100 квадратных миль материкового пространства. Типичной страной Европы в обоих этих отношениях является южная часть Балканского полуострова – древняя Эллада»⁵. Правда историка особенно убедительна, если смотреть на предмет конкретно-исторически:

удобное географическое положение европейского континента, несомненно, играло положительную роль в прошлом, когда зависимость человека от природы была особенно велика и благоприятные природные условия способствовали активной производственной деятельности людей. Правильным представляется в этой связи мнение не только о благоприятных, но и об «угрожающих явлениях» человеческого влияния на географическую среду.

Заслуга В. О. Ключевского в том, что он первым среди ученых XIX века поднял вопрос о необходимости обеспечивать гармоничное взаимодействие законов окружающей среды с производственными усилиями человека. Нарушение этой гармонии губительно для природы. Историк писал по этому поводу, что культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности. Увеличивая и регулируя энергию физических сил нельзя истощать и выводить их из равновесия, нарушая естественное состояние, иначе природа станет в противоречие сама с собой, и будет противодействовать всегда человеку, одной рукой разрушая то, что создала другой. Географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться во вред народному благосостоянию. Этот тезис как никогда актуален сегодня, и слова В. О. Ключевского служат предупреждением нам, его потомкам, что природу легко разрушить неумелыми действиями.

Нисколько не преуменьшая научных заслуг вышеназванных учёных, необходимо всё же отметить, что наиболее полное выражение идеи географического детерминизма получили развитие в трудах русского мыслителя, географа, социолога, основателя русской геосоциологии, Л. И. Мечникова. Мировую известность как учёный Л. И. Мечников получил посмертно, после выхода его главного сочинения «Цивилизация и великие исторические реки», задуманного как вступление к исследованию мировой культуры.

Он писал: «Задача, к разрешению которой я стремлюсь, может быть сформулирована в следующих словах: какая таинственная сила налагает на некоторые народы, то ярмо истории, которое остаётся совершенно неизвестным для значительного количества племён? Каковы естественные причины неравного распределения благодетей и тягостей цивилизации?»⁶. Ответы Л. И. Мечников ищет в географическом детерминизме. Но, в отличие от своих зарубежных предшественников, которые ограничивались признанием влияния природы на человека, русский учёный впервые в общественной мысли исследовал не только непосредственное воздействие географической обстановки на социальные отношения людей, но и прослеживал обратный ход – влияние общества на природу, изучал взаимодействие среды и общества, изменчивый характер последнего во времени. Для него очевиден факт, что географические условия меняются с течением времени крайне медленно, тогда как общество прогрессирует достаточно быстро. Он справедливо утверждал, что ценность географиче-

ческой среды, с учётом её физической неизменности. в разное историческое время бывает различной, в зависимости от способности людей к добровольно-кооперативному труду. По этому поводу Л.И. Мечников пишет: «По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в способности населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности»⁷.

Механизм взаимодействия окружающей среды и общества представлялся Л.И. Мечникову как приспособление общества к среде, которое происходит посредством образования различных коопераций. Под географической средой он понимал часть земного, природного, в той или иной степени изменённого людьми, окружения человеческого общества, с которым оно в данный момент непосредственно связано в своей жизни и производственной деятельности. Следовательно, независимо от того изменяются ли природные условия или остаются неизменными, суть вопроса сводится не к влиянию природной среды, а к формам ассимиляции этой среды через трудовую деятельность. Ученый совершенно справедливо подчеркивал, что в истории именно незаметный труд миллионов людей изменяет общество, а географическая среда либо способствует его прогрессу, либо является тормозом. Именно попытка раскрыть механизм взаимодействия общества и природы является наиболее сильной стороной его теории развития цивилизаций.

Рассматривая физико-геологические различия в строении земной поверхности, растительный и животный мир, атмосферу и климат, Л.И. Мечников признаёт их важность и значение, однако считает, что именно «вода» – реки, моря и океаны более чем какие-либо иные составляющие природной среды, способствуют зарождению цивилизаций. Объективная закономерность проявляется в том, что цивилизации первоначально образуются на берегах великих рек, затем постепенно расширяются, сосредотачиваясь вокруг морских бассейнов, и, наконец, выходя на простор океанов, охватывают обширные океанические побережья. Общество по мере развития и продвижения вперед требует иных географических условий, которые отвечали бы новым общественно-политическим отношениям. Народы, в силу различных обстоятельств не смогишие изменить жизненный уклад, обусловленный первоначальной средой, приходят в упадок, уступая место народам, сумевшим разорвать ставшие тесными рамки прежней жизни и приспособиться к новым условиям. Так некогда произошло с египтянами, со временем уступившими свое место грекам и римлянам. Так же случилось с Венецией и Генуей, процветавшими в средиземноморский период и пришедшими в упадок с перенесением торговых путей с бассейна Средиземного моря в акваторию Атлантического океана.

В строгом соответствии с трехчленной «гидрологической» периодизацией истории, Л.И. Мечников рассматривает и изменение форм социально-политической жизни, на которую налагает печать географическая среда. Пер-

вый исторический период, охватывающий древние речные цивилизации, характеризующиеся преобладанием деспотического строя; с переходом ко второму, морскому периоду, широкое распространение получает олигархическое правление, и, наконец, третий, или океанический период, характеризуется стремлением воплотить демократические принципы, провозглашённые Великой французской революцией. Тем самым, Л.И. Мечников полагал, что деспотизм, рабство и всё, что мы относим к «тёмным» сторонам цивилизации, не более чем закономерные, последовательно сменяющие друг друга ступени в развитии человечества в направлении к разумному устройству общества.

Геосоциологическая концепция Л.И. Мечникова, таким образом, является в целом попыткой объединения и синтеза глобалистско-универсального взгляда на историю со взглядом с позиций теории локально-исторических цивилизаций. В начале человеческой истории, когда зависимость человека от природы чрезвычайно сильна, географический фактор существенно важен для объяснения культурно-цивилизационного разнообразия. Однако по мере возрастания производственно-технических сил человека, его зависимость от природы ослабевает, и человечество все более устремляется в направлении формирования единой глобальной человеческой цивилизации. То есть экстраполяция взглядов Л.И. Мечникова на реалии современного мира вынуждает констатировать, что, в конечном счете, его концепцию следует отнести к разновидности космополитическо-универсального подхода к истории.

К существенно иным выводам приходит известный отечественный ученый и публицист той же эпохи, Н.Я. Данилевский. В 1869 году в России была опубликована его книга «Россия и Европа». Многими не понятый и первоначально воспринятый как «литературный курьёз» (В.С. Соловьёв), этот научный труд до недавних пор был почти предан забвению. В книге была детально разработана концепция обособленных, локальных «культурно-исторических типов», опередившая на 50 лет О. Шпенглера с его рассуждениями о восьми различных исторических культурах и предвосхитившая теорию А. Дж. Тойнби о круговороте локальных цивилизаций. В чём же оригинальность идей Н.Я. Данилевского, послуживших даже, по мнению многих авторитетных учёных, основой литературного шедевра XX века О. Шпенглера «Закат Европы»?

По Данилевскому, цивилизации – это географически и исторически замкнутые, отличные друг от друга культурно-исторические типы. Они могут «унавоживать историческую почву», на которой произрастает следующая цивилизация, исторически сменяющая предыдущую, *но перерастать одна в другую они не могут*. Культурно-историческим типам (цивилизациям), равно как биологическим организмам, соответствует замкнутый цикл жизни: рождение, расцвет, упадок, гибель. В истории существовало десять культурно-исторических типов, целиком или частично исчерпавших возможности своего развития: египетская культура, китайская, ассирийско-вавилонско-финикийская, халдейская (древне-

семитская), индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, аравийская германо-романская или европейская. Особое место занимают мексиканская и перуанская культуры, погибшие насильственной смертью и не успевшие завершить своего развития. Среди этих культур выделяются «уединенный» и «преемственный» типы. К первым относятся китайская и индийская культуры, ко вторым – египетская, ассирийско-вавилонско-финикийская, греческая, римская, еврейская и европейская культуры. Плоды деятельности вторых передавались от одного культурного типа к другому как подпитка или удобрение той почвы, на которой в последствии развивалась другая.

Каждый самобытный культурно-исторический тип эволюционирует от этнического состояния к государственному, и от него – к цивилизации. Вся история, по мнению Н. Я. Данилевского, доказывает: цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа к другому. Но из этого не следует, что они не оказывают взаимного влияния друг на друга: «Народы каждого культурно-исторического типа не вотще трудятся; результаты их труда остаются собственностью всех других народов, достигающих цивилизационного периода своего развития, и труда этого повторять незачем»⁸. Однако подобное опосредованное влияние не может рассматриваться как прямая передача. Таким образом, никакого универсального «единого пути всего человечества», согласно Данилевскому, не существует. Реальная история представляет собой последовательность замкнутых и безвозвратно гибнущих в ее пучине цивилизаций. Преемственность между ними очень ограничена и относительна: каждая из отживших всего лишь подпочва для последующих, ибо каждая в материально-культурном и духовном плане оригинальна и самодостаточна.

В основе философии истории Н. Я. Данилевского лежит идея отрицания единства человечества, единого направления прогресса. По его глубокому убеждению общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, «потому что это была бы невозможная и вовсе не желательная неполнота». Общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать его значит, говоря его словами, довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом, абсолютной неполнотой. Не сомневаясь в биологическом единстве человечества, Н. Я. Данилевский настаивал на самобытности, «самодостаточности» культур, создаваемых народами. Подлинными творцами истории, выступают не сами народы, а созданные ими и достигшие зрелого состояния культуры, которые, выражаясь его словами, подобны «многолетним одноплодным растениям», живущим много лет, но цветущим и плодоносящим только один раз в жизни.

Что же роднит теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского с исходными постулатами русской геосоциологии? В отличие от современников, Данилевский о роли природной среды и географических факторов в формировании внутреннего строя и особенностей цивилизаций высказывается довольно

скупо. Возможно, вопрос ему представлялся вполне ясным, ибо и на Западе, и в России к тому времени на эту тему было написано уже достаточно много. Другое объяснение состоит в изначальной сосредоточенности ученого на исследовании именно исторических, этнических, социокультурных, политических, даже антропологических факторов, обуславливающих имманентное своеобразие каждой цивилизации. Тем не менее, связь между детерминистскими принципами отечественной геосоциологии и его концепцией локальных цивилизаций (культурно-исторических типов) вполне прослеживается.

Так, рассуждая о преимуществах оседлой жизни перед кочевничеством в перспективе формирования основ цивилизации, он говорит, что, «хотя пастушеская жизнь составляет очевидный прогресс сравнительно со звероловной, однако же прогресс этот обманчивый, потому что из него нет дальнейшего исхода. Кочевничество представляет слишком много удобств, слишком большое обеспечение существованию посредством многочисленных стад, слишком большое потворство лени». Кочевничество как вид хозяйствования возможно только в условиях широких степей и равнин. Горы, наоборот, совершенно разъединяют людей, запирают их в долины и котловины и, будучи весьма удобными для сохранения этнографических различий, совершенно неспособны служить почвой для развития первоначальной самобытной цивилизации. Остаются леса, которые, являясь препятствием для кочевой жизни, не представляют такого для жизни оседлой, а следовательно – не являются препятствием развитию первоначальной культуры слабыми средствами племен, выходящих под давлением нужды из состояния первобытной дикости. «Лес имеет поэтому огромную культурородную силу. Он имеет и другое влияние: своею таинственною гущей и полумраком он навеивает поэтическое настроение духа на живущий в нем народ. Я не думаю, что самобытная культура, вне всякого постороннего влияния, могла возникнуть иначе как в лесной стране»⁹.

Из цитированного отрывка с очевидностью следует, что предпосылки формирования самобытной и одухотворенной цивилизации Н.Я. Данилевский прямо усматривал в особенностях земного рельефа и географической среды, а именно – в лесных ареалах, способствующих развитию земледелия и оседлого образа жизни. Тем самым нельзя не видеть непосредственной связи исходных объяснительных принципов концепции Н.Я. Данилевского с методологическими основами парадигмы отечественной геосоциологии.

Сравнительный анализ методологических и историософских воззрений Л.И. Мечникова и Н.Я. Данилевского позволяет по-новому взглянуть на дилемму «модерн – постмодерн» в культурной эволюции современного человечества. Модернизм выражает и защищает идейное наследие новоевропейской эпохи. Ценности этого наследия прежде всего состоят в стремлении к универсализации истории и созданию единой человеческой цивилизации. Отсюда идеи всемирного правительства, единой мировой экономики, общечеловеческих

ценностей, прав человека, единой науки и истины, единого международного законодательства, космополитического искусства и т.п. Сегодня модернистское наследие представлено движением в направлении глобализации. Все, что противоречит этому движению, рассматривается его поборниками как препятствие прогрессу, проявление реакционности, консерватизма, социально-политической отсталости и клаустрофобии и т.д. Для глобалистов альтернативы всемирной унификации человечества просто не существует.

Вопреки расхожему мнению, постмодернизм отнюдь не отрицает необходимости вовлечения локальных цивилизаций и культур в единое пространство общечеловеческой культуры. Он только противоборствует движению к унификации человечества на основе ценностей и стандартов западной (новоевропейской) цивилизации, отказу от самобытности иных культур и цивилизаций, ибо такой отказ будет означать не что иное, как их разрушение и гибель. Общечеловеческий прогресс заключается не в унификации, а наоборот, в росте внутреннего многообразия. Ибо прогресс и устойчивое развитие любых систем как раз и состоит в диверсификации внутренней структуры, элементов и функций. Нарастание же энтропийности системы грозит ей гибелью.

Если взглянуть на концепции Л.И. Мечникова и Н.Я. Данилевского сквозь призму диспозиции «модерн – постмодерн», то парадоксальным образом окажется, что их воззрения гораздо ближе современным постмодернистам, чем адептам наследия модерна. Представители русской геосоциологии как будто опередили время. В той или иной степени их учения содержат идейные зерна постмодернизма. Это особенно относится к тезису Н.Я. Данилевского о ценности каждой исторической культуры и цивилизации. В то же время они указали иной путь объединения человечества, чем тот, которым следуют нынешние глобалисты. Это не путь глобального нивелирования и унификации культур, а всемерного сбережения их самобытности, поскольку каждая, привнося невосполнимый и незаменимый вклад в планетарную копилку достижений человечества, является самоценной в ансамбле человеческих цивилизаций. Сохраняя культурно-цивилизационное многообразие мы становимся не беднее, а богаче, и именно этим обеспечивается всечеловеческий прогресс.

Литература:

- ¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С.262.
- ² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С.81.
- ³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн.5. С.60.
- ⁴ Там же. Кн.1. С.78.
- ⁵ Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. М., 1956-1959. Т.1. С.62.
- ⁶ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924. С.95.
- ⁷ Там же. С.69.
- ⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.128.
- ⁹ Там же. С.230.